

Предисловие

Непосредственным мотивом к появлению этого сборника стало 20-летие нахождения Владимира Путина во главе России. Захотелось подвести некоторый промежуточный итог. Промежуточный — потому, что я уверен: основные свершения еще впереди, поскольку всех нас на внешнем контуре ждет новый передел мира, то есть установление нового мирового порядка, а на внутреннем — реализация национальных проектов и, как следствие, смена экономического курса и видимое улучшение благосостояния страны и ее граждан. Вот накануне юбилея мне захотелось обозреть прошедшие двадцать лет и оценить, как изменились Россия и ее место в мире.

Двадцать лет назад, когда Путин пришел к власти, ему досталась страна, лежащая в руинах: разрушенная и оккупированная экономика, разваленная и деморализованная армия, атомизированное и расколотое общество, массовая нищета и ползучая дезинтеграция страны. В международной политике, несмотря на фальшивые белозубые улыбки и лицемерные реверансы, Россия фактически потеряла субъектность. Идеологи и стратеги американской империи, по существу, предписывали России место «большого европейского национального государства», которое должно отказаться от влияния вовне, включая так называемое «ближнее зарубежье» с десятками миллионов соотечественников, и от своей исторической миссии. Эти предписания противоречили цивилизационному коду России, но как раз на это и был расчет — разорвать этот код и «переформатировать» Россию, разрушить религиозно-

нравственную систему координат, «отключить» стремление к «горнему» и сделать для нашего народа доминирующим «земное», низовое и низменное, заразив его потребительским зудом. Все это для того, чтобы лишить нашу страну и наш народ воли к сопротивлению и к тому, чтобы оставаться самим собой без стыда перед потомками и без предательства предков.

На фоне таких исходных позиций к чему мы пришли двадцать лет спустя? Россия успела сосредоточиться и осталась верной самой себе, не пойдя предписанным ей Западом путем. По итогам холодной войны случилась крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, и Россия потеряла свое место в ряду государств «первого эшелона», участвующих в принятии решений. А к 2020 году Россия вернулась в разряд великих мировых держав.

Накануне 20-летнего юбилея мне захотелось ответить на вопрос: как Путин это сделал? Какие навыки, какой инструментарий использовал, чтобы сыграть свою «Большую игру»? Как смог, несмотря на турбулентность на внешних «фронтах» и разруху «в тылу», обеспечить России время на то, чтобы «сосредоточиться», собраться с силами и провести реванш? Поскольку я предметно на протяжении всех этих двадцати лет занимался изучением не только политики России, как внешней, так и внутренней (особенно ее идеологической составляющей), но и личности и идеологии ее верховного правителя, то для начала я достал «старые папки». И с удивлением обнаружил несколько вещей: 1) многое из того, что сегодня формулирует Путин, я смог в свое время предсказать и правильно оценить, хотя и не исключаю, что Путин просто все эти годы не говорил о том, что на самом деле думал, — не время было; 2) многие проблемы, о которых я писал 10 и даже 15 лет назад, так и остались нерешенными, особенно в вопросах идеологического самоопределения;

З) как ни странно, большая часть опубликованных мной за эти 20 лет материалов сегодня недоступна, так как известные и влиятельные в свое время — даже прокремлевские — ресурсы сейчас закрыты (и их архивы тоже). Более того, весь напечатанный в 2008 году тираж моей книжки «Кадры для будущего» был (редкий случай в наше совсем не советское время) полностью уничтожен по неизвестным мне причинам.

У меня с темой «Путин» вообще особые отношения. И начались они 20 лет назад, за три дня до его прихода к власти, то есть 28 декабря 1999 года. Я тогда работал редактором международного отдела в еженедельной русской газете «Республика» в Риге (Латвия). Хорошо помню, что редакция уходила на новогодние каникулы и в этой связи был организован маленький фуршет. Так вот, произнося тост, я попросил коллег не пропустить новогоднее обращение Ельцина, так как ежедневный мониторинг и анализ ситуации подсказывали мне, что будет мегасенсація. Как вы понимаете, уже в новогоднюю ночь мне начали звонить и спрашивать, откуда я знал (вариант: кто мне сказал). А 30 декабря я прочитал в «Независимой газете» статью все еще премьер-министра Путина «Россия на рубеже тысячелетий», и мне стало ясно, что это не размышления, а тщательно продуманный план действий, обоснованный к тому же идеологически. Я понял, что я в команде Путина.

Что касается появившегося вскоре мема «Who is Mr. Putin?», то он с самого начала вызвал у меня недоумение: Путин же сам рассказал в статье. Которую, кстати, «общественность», в том числе мировая, сначала не заметила, а потом сразу забыла. Именно эту статью я положил в основу своих лекций «Идеология партии Путина», прочитанных летом 2009 года — 10 лет назад! Поэтому было приятно услышать, что Путин сам напомнил об этой статье на Валдайском

форуме¹. Кстати, и во вступительном очерке к этому сборнику «Между Римом и Византией», законченному до выступления Путина в Сочи 3 октября этого года, исходной стала та же статья от 29 декабря 1999 года.

Отмечу здесь и еще несколько важных «перекличек» между опубликованными мной от 10 до 15 лет назад материалами и программной речью Путина на Валдае в этом году. Я не раз говорил коллегам, что понимаю Путина — понимаю его логику, разделяю его эмоции, так что эти «переклички» мотивируют меня продолжать изучать Россию Путина и личность самого Верховного.

В статье, которая стоит первой и опубликована 9 января 2003-го по итогам внешнеполитического 2002 года², мне удалось обнаружить за внешней активностью России то, что впоследствии было названо сетевой дипломатией (только в 2008 году) и сетевыми альянсами (только в 2013 году). Включая тот параметр сетевых альянсов, который был сформулирован спустя 10 лет после публикации моей статьи и имеет кардинальное значение для будущих альянсов, а возможно, и для международной политики вообще: «Все международные акторы, которые входят в зоны интересов и влияния имперского центра, являются самостоятельными, суверенными членами коммуникационной системы, в повышении самостоятельного веса и качества которых заинтересован сам имперский центр... Только в том случае, если участники сети обладают самостоятельной ценностью, становится жизнеспособной вся имперская сеть и получает пространство для маневра имперский центр» (из статьи «Путин начал

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/61719>

² См. статью «Путин начал строительство империи нового типа, организованной по сетевому принципу» в этом сборнике.

строительство империи нового типа...»). Именно суверенитет, самостоятельная ценность всех участников сетевого альянса делает его эффективным, в отличие от жестко администрируемых «блоков», в которых большинство участников должны жертвовать частью своего суверенитета. Что касается определения у меня места России как имперского центра, то, во-первых, Россия была и остается империей, а во-вторых, Путин об этом сказать не может по понятным причинам, чтобы не нарушить баланс сетевых альянсов, а я могу, так как хочу видеть Россию снова великой. Поэтому я мог написать уже в 2006 году в статье «Путин об империи: опыт дешифровки»: «*Irredenta terra* — неосвобожденная земля. Просто прислушайтесь к своему восприятию Крыма, и вы поймете, что это значит в рамках воображаемой географии».

И еще одну вещь хочу сказать в этом коротком вступительном слове. Меня не раз спрашивали, почему я на несколько лет выпал из публичного пространства: не печатал статьи, не выступал на круглых столах и конференциях. По очень простой причине — с 2014 года я был на войне. Увидев, что происходит в Донбассе, я понял, что это и моя война тоже и что я должен не только писать статьи и сидеть в соцсетях, но и внести свой реальный вклад в борьбу за Русский Мир и Россию против реинкарнации коричневой чумы — неонацизма. Поэтому с осени 2014-го и до 31 августа 2018-го — дня трагической гибели от рук террористов Первого Главы Донецкой Народной Республики Александра Владимировича Захарченко — я был его советником по политическим, информационным и многим другим вопросам. С одной стороны, в Донбассе было не до написания статей, а с другой — там мой опыт, как практический, так и теоретический, пригодился для работы «на земле». Особенно если учесть, что вопросы идеологии и стратегии (прежде всего идеологии и большой